ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

«ЗАБОТА О СЕБЕ» КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОГО КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Сборник статей и материалов
международной научной конференции
24–25 ноября 2017 г.
г. Томск

Издательство Томского университета
2018

УДК 122/129
ББК 87.6

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ФЕНОМЕНОЛОГО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ Г.Г. ШПЕТА И М.М. БАХТИНА

А.Д. Самалюк
Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск

Статья посвящена феномену коммуникации и его отражению в работах отечественных философов Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина. В ходе анализа их идей выяснилось, что рассматривать образовательный процесс как одну из сторон коммуникации корректнее, чем выявлять коммуникативный компонент внутри образования. Участники коммуникации не только познают друг друга и совместно усваивают новые знания, но и более четко осознают свое место в мире посредством общения. Важными составляющими данного процесса являются интерпретация и самоинтерпретация, которые в философской традиции изучались при помощи герменевтического подхода. С опорой на идеи указанных мыслителей понятие заботы о себе, достаточно широко описанное М. Фуко, раскрывается в модусах заботы о другом и стремлении к истине. Таким образом, в статье иллюстрируется значимость коммуникации для полноценного миропонимания.
Ключевые слова: *коммуникация, образование, интерпретация, самоинтерпретация, герменевтика.*

Современный процесс образования регулируется рядом нормативных документов, среди которых значимое место занимает ФГОС. Так, федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования содержит требования не только к структуре и условиям реализации той или иной программы, но и к результатам ее освоения выпускниками. По окончании обучения в высшей школе человек должен обладать, среди прочего, способностью к саморазвитию, самоорганизации, самореализации и т.д. [6]. В общем смысле саморазвитие имеет такое определение: «…фундаментальная способность человека становиться и быть подлинным субъектом своей жизни, превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, <...> осуществлять личностные выборы

на основе познания себя» [4. С. 142]. Принято выделять такие компоненты саморазвития, как деятельностный, коммуникативный, интеллектуальный и мотивационный. Особую важность для нас представляет коммуникативная составляющая, связанная с выстраиванием взаимоотношений в различных социальных группах и предполагающая «ориентацию на диалог и самоизменение» [Там же]. Попытаемся объяснить данное положение с философской точки зрения.

В указанных атрибутах саморазвития прослеживается зависимость между самопознанием и познанием других участников общения. Данный процесс в философской традиции подвергался анализу при помощи методов герменевтики, согласно которым толкование тех или иных явлений предполагает и самоинтерпретацию субъекта, что, в свою очередь, способствует обретению идентичности. Рассмотрим идеи представителей отечественной философской мысли XX в. Г.Г. Шпета (1879–1937) и М.М. Бахтина (1895–1975) в герменевтическом ракурсе. Такой подход позволит расширить понимание феномена коммуникации и обосновать значимость общения не только для образовательного процесса, но и для познания бытия в целом.

Г. Шпет о познавательных характеристиках герменевтики

В многогранном творчестве Густава Густавовича Шпета можно обнаружить единый замысел, в основе которого лежит концепция положительной философии. Она представляет собой чистое европейское знание (в противовес восточной мудрости), основные черты которого были сформированы в античности Парменидом и Платоном. Шпет очень высоко оценивал заслуги этих мыслителей и довольно часто обращался к их идеям. Например, для положительной философии характерно единство предмета бытия и мышления, которое невозможно познать путем «мнения». Последний имеет множество направлений, постоянно конкурирующих между собой и занимающихся частными, эмпирическими вопросами. Истинно философский путь, по Шпету, заключается в ориентации рефлексии на саму мысль о бытии, в четкой постановке своих целей и обозначении средств для их достижения. Положительная философия стремится к разделению части и целого, следует традиции, искореняет личные побуждения, требует единства оснований и метода, обладает диалектическими чертами. Обоснование положительной традиции осуществлялось Шпетом во многих трудах и имело место уже в ран-

нем сочинении «Явление и смысл». Импульсом к написанию этой работы послужило учение Эдмунда Гуссерля (1859–1938), а личное знакомство с ним оказало заметное влияние на дальнейшее становление Шпета как феноменолога.

Герменевтика у Шпета является частью проекта положительной философии и ее неотъемлемым приемом. Начало ее формирования Шпет тоже видит в эпохе Древней Греции. Тогда возникала необходимость в объяснении гомэровского эпоса, а софисты активно соединяли практическое толкование и теоретические вопросы грамотности речи, элементы логики и другие формы познания. В диалогах Платона Шпет отмечает единое проблемное поле у вопросов о словах, мыслях и вещах. Аристотель, с его точки зрения, размышлял о формах выражения мысли, изучал логические формы суждений на предмет наличия или отсутствия истины. Шпет также обращает внимание на тему закономерности языка и зависимости употребления слов от общепринятых норм, которая впервые обозначилась во II в. до н.э. (спор между Александрией и Пергамом). Все это вполне может претендовать на статус герменевтического метода познания. Дальнейшее развитие герменевтики, по Шпету, долгое время было направлено на толкование Священного Писания. В связи с этим он выделяет два основных подхода: аллегорический, допускаюший непрямой (божественный) смысл с мистическими коннотациями, и грамматический (исторический), имеющий дело с одним-единственным, прямым и общедоступным смыслом. Шпет недоволен библейской герменевтикой, он отстаивает позицию о том, что каждый знак должен иметь только одно значение. Многозначность способствует произвольному толкованию текста, а значит, категорически не входит в интересы положительной философии.

В образовательном процессе, наряду с остальными общественными явлениями, интерес группы людей может быть направлен на усвоение объективированных смыслов и значений. Для этого необходим специальный подход, который не может предложить ни одна естественная наука. Здесь и возникает потребность в интерпретации. По нашему мнению, Шпет изменил привычное представление о герменевтике и возвысил ее до учения о принципах сущего. М.Н. Евстропов выделяет две взаимосвязанные стороны шпетовской онтологии: герменевтическую и социальную. Первая проявляется в разработке темы смысла, философии языка и собственно герменев-

тики. Вторая направлена на «уяснение сути общности» и представлена лишь в набросках. Но в совокупности они образуют интуицию, которая соответствует предметности социального бытия [2. С. 153–155].

В сферу методологических интересов Шпета входит стратегия понимания, т.е. непсихологическое уяснение смыслового значения знаков и форм совместной жизнедеятельности людей. Это напрямую связано с энтелехией и умозрительной интуицией, непосредственным схватыванием целостности, интерсубъективным постижением сущности вещи. Шпет не раз обращал внимание на значимость философской рефлексии, которая со времен Платона заключалась в логических движениях мысли и в обращении мышления к бытию идей. Энтелехия у Шпета обретает значение направленности на идеальный объект для выражения усмотренного в форме слов. Данное понятие отсылает нас к обозначенному в «Метафизике» Аристотеля явлению «осуществленности». Энтелехия также является некоторой внутренней структурой предметного содержания. Она включена в смысл, предстает в качестве его слоя и указывает на основное предназначение предмета, его практическую суть. С точки зрения Евстропова, интуиция «со стороны герменевтической есть прямая <...> данность энтелехии как "внутреннего смысла" предмета, как его "для чего". Со стороны социальной же это есть не что иное, как прямая данность другого как другого – и не только в его телесно-чувственном составе, на основе которого осуществляется аналогизирующий перенос, а "всего целиком и сразу"» [Там же. С. 155]. Шпет рассматривает слово в качестве знака сообщения, описывает отдельную разновидность бытия, взаимосвязанную с социальной интуицией и общим чувством. Данное чувство, «коренящееся и замешанное в общении, ломает индивидуальные перегородки» [Там же. С. 156]. Следовательно, шпетовскую герменевтику можно рассматривать не только как метод постижения вещи, но и в качестве способа целостного понимания другого.

Наконец, Шпет подчеркивает важнейшую характеристику философии: диалектичность, которая понимается им в сократовском смысле как «совместное мышление» [9. С. 191]. Именно в диалоге он видит неповторимость и исключительность философского знания. На наш взгляд, герменевтическую теорию Шпета вполне оправданно можно распространить на образовательный процесс, де-

монстрирующий один из аспектов социального бытия. В нем постоянно происходят столкновения между субъектами, которые стремятся к самоопределению через познание других, организуется поиск претендующих на истину знаний. Герменевтические идеи Шпета могут использоваться для разработки педагогических методик, способствующих эффективной организации учебного процесса. Коммуникация в сфере образования представляет собой сложный диалектический феномен, который также требует интерпретации. Шпет призывал не ограничиваться психологическим подходом, направить познавательные усилия на сферу надындивидуального, усовершенствовать инструментарий для толкования явлений.

Таким образом, можно понимать образование как частный вид коммуникации, как диалогический процесс, который требует особого подхода к изучению. В этом направлении огромных успехов добился другой российский философ, Михаил Михайлович Бахтин, о котором далее и пойдет речь.

Представления М.М. Бахтина о коммуникации: нескончаемый диалог и ответственный поступок познания

Для нас является особенно интересным тот факт, что Бахтин знаком с работами Гуссерля и, более того, оперирует схожими понятиями. С.С. Аверинцев отмечает подобие между «переживанием» в феноменологии Гуссерля и такими терминами Бахтина, как «событие», «событийность», «поступок» [1. С. 158]. По его мнению, феноменологическое единство переживания и предмета не несет в себе психологический смысл, а у Бахтина как сторонника отечественной традиции трансформируется в проблему ответственности. Критику психологизма можно обнаружить и в размышлениях Бахтина о несводимости акта-поступка живого мышления к психическим процессам [Там же. С. 90]. Он активно использует метод феноменологии, о чем упоминает лично: «Долженствование есть своеобразная категория поступления-поступка (а все, даже мысль и чувство, есть мой поступок), есть некая установка сознания, структура которой и будет нами феноменологически вскрыта» [Там же. С. 85]. Это позволяет нам исследовать труды Шпета и Бахтина в рамках одной традиции, а именно феноменолого-герменевтического течения, вдохновителем которого являлся Гуссерль.

Итак, все многообразие человеческой деятельности и ее единичные проявления, любые помыслы и ощущения Бахтин относит к сфере поступка. Однако жизнь в целом также является «поступлением», но с более сложной структурой по сравнению с индивидуальным актом [1. С. 83]. Жизнь, или неповторимая единственность переживания, отделяется Бахтиным от объективного единства культурной области [Там же]. Противопоставление культуры и жизни (их «дурная неслиянность»), т.е. несовпадение смысловой сферы и сферы онтологии, снимается в событии свершаемого бытия, в акте человеческой деятельности. Поступок должен, по Бахтину, «обрести единство двусторонней ответственности и за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная)» [Там же]. Категория должного выступает при этом как вектор истинности для мышления, оперирующего суждениями и определяющего их вхождение в некоторое теоретическое единство [Там же. С. 84].

Обращение к другому с целью самопознания Бахтин связывает с ответственным поступком отвлечения от себя (не путать с потерей себя): «в самоотречении я максимально активно и сполна реализую единственность своего места в бытии» [Там же. С. 93–94]. Каждый несет ответственность за свою индивидуальность и за неповторимость собственного бытия, которая актуализируется в свершении события [Там же. С. 113–114]. При этом наличие бесконечного числа индивидуальных ролей и миров не разрушает целостность бытия, но «впервые создает единое событие» [Там же. С. 116]. Другими словами, мир бытия находится в постоянном становлении, не является завершенным и содержательно определенным, а участники этого события, обладая конкретным долженствованием, совершают единственное действие [Там же].

Философия Бахтина может быть названа своеобразной герменевтикой, принимающей форму диалогизма или философии человека, который ведет нескончаемый диалог с другими людьми и самим собой [5. С. 35]. В основе диалога находится потребность в соотношении себя с другим человеком, что является важной характеристикой коммуникации.

Нельзя не упомянуть обозначенную Бахтиным дихотомию теоретического–практического. Теоретический мир исключает единственную действительность «я», является обобщенным бытием, значимость которого не зависит от познания. Практически-жизненный

мир, напротив, состоит из моментов новизны творения и ответственности поступка. Человек вступает в такое взаимоотношение между данными мирами или областями, при котором важно избегать крайностей. Излишний теоретизм убивает человеческую индивидуальность, но наличие теоретического познания в событии необходимо для оценки значимости суждения, включенного в поступок, а также для развития таких дисциплин, как логика, теория познания и т.п. В контексте размышлений Бахтина образование нельзя включить в какую-то одну область, на наш взгляд, оно тесно связано как с индивидуальной жизнью, так и с теоретическими положениями, к примеру, с категорией истины. Для Бахтина значимость истины безусловна, она является результатом познания причастного к единственному бытию «я». «Момент теоретической истинности необходим, чтобы суждение было долженствующим для меня, но не достаточен, истинное суждение не есть тем самым уже и должный поступок мышления» [1. С. 84]. Л.А. Микешина отмечает гносеологическую новизну в философии поступка Бахтина, где понятия истины и правды взаимодополняют друг друга и имеют самостоятельные сферы применения: «Представляется, что истина-правда, по Бахтину, получаемая на основе познания как ответственного поступка, обладает единством тех же самых моментов, что и поступок, не переставая быть при этом истинным знанием» [3. С. 70]. Она рассматривает идеи Бахтина сквозь призму современной эпистемологии и признает в них надежный фундамент для методологии гуманитарных дисциплин, для новой архитектоники познания, в центре которой находится исторически действительный человек [Там же. С. 71]. Это лишь один из возможных путей актуализации учения Бахтина. Его теория помогла охарактеризовать процесс образования в качестве диалога, предполагающего толкование себя не только как центра единичного бытия, но и в качестве другого для других.

Возможны модификации принципа заботы о себе у Шпета и Бахтина.

В контексте вопроса о соотношении субъекта и истины М. Фуко разрабатывает древнегреческую идею заботы о себе и прослеживает ее историческое развитие. Он формулирует несколько смысловых расширений данного понятия: 1) определенный взгляд на вещи, способ поведения и поддержания связи с другими, т.е. установка по отношению к себе, другим и миру; 2) особенное направление внима-

ния на самого себя, способ слежения за своими мыслями и тем, что происходит в душе; 3) набор практик и действий по изменению, очищению и преобразованию себя [7. С. 23]. Уже первой трактовки было бы достаточно для того, чтобы провести параллель между коммуникацией и заботой о себе.

Бахтин выстраивает оригинальную онтологическую концепцию, в центр которой становится связка «я – другой», и любое общественное отношение интерпретируется именно в данных категориях. Забота о другом в полной мере становится заботой о себе, необходимость взаимовлияния между мной и другим выражается в следующей формуле: «Поскольку я утверждаю свое единственное место в едином бытии исторического человечества, поскольку я не-алиби его, стою к нему в активном эмоционально-волевом отношении, я становлюсь в эмоционально-волевое отношение к признаваемым им ценностям» [1. С. 117]. «Не-алиби» Бахтин называет ту самую неповторимость свершаемого однажды поступка, который никто и никогда больше воспроизвести не сможет. Для того чтобы познать себя не только изнутри, но и снаружи как активного, поступающего человека, для удостоверения принятия ответственности за бытие, необходима фигура другого – соучастника. Кроме того, ранее обозначенная Бахтиным ориентация на истину непротиворечивым образом соотносится с идеей заботы о себе.

В рамках социальной онтологии Шпет изучает то, какими способами субъект понимает мир, обитая в социуме, усваивая его систему языка и смысловые структуры. Он полагает, что «человек рождается несвободным, потому что он рождается в обществе и как социальное существо» [8. С. 137]. В его теории забота о себе также развивается в модусе заботы о других. Если продолжить мысль об истине как одной из сторон заботы о себе, то можно обнаружить интересные суждения по данному поводу у Шпета. Он называет положительную философию первой философией, поскольку она следует путем истины. В ее традиции предметом рационального исследования является мысль о бытии в противоположность небытию, в его сущности. Подлинный философ, по Шпету, «устремляет свою мысль на истинно-сущее, его мало трогают мелочные и личные заботы, он созерцает вечное, логически упорядоченное и, насколько возможно, сам подражает и уподобляется ему» [Там же. С. 360].

Любопытно, что Бахтин тоже употребляет аристотелевское понятие «первой философии» и вкладывает в него свой смысл: «первая философия, пытающаяся вскрыть бытие-событие, как его знает ответственный поступок, не мир, создаваемый поступком, а тот, в котором он ответственно себя осознает и свершается, не может строить общих понятий, положений и законов об этом мире (теоретически-абстрактная чистота поступка), но может быть только описанием, феноменологией этого мира поступка» [1. С. 105].

Другими словами, идею заботы о себе можно раскрыть с опорой на труды Шпета и Бахтина, в которых она трансформируется в необходимость соотнесения субъекта познания и другого, а также в стремление к истине.

Итоги и перспективы

В данном исследовании труды Шпета и Бахтина были использованы для обозначения герменевтического характера процесса образования и для иллюстрации видоизменения античной идеи заботы о себе. Перед нами не стояла задача сопоставить их воззрения, но более подробный сравнительный анализ вполне может быть совершен в будущем.

Коммуникация, понимаемая сейчас как одна из неотъемлемых составляющих саморазвития, в работах Шпета и Бахтина была обозначена в несколько иных формах. Шпет описывает данный процесс как поиск и уяснение смысловых структур при помощи знаков сообщения. Он освещает герменевтику в качестве словесного метода выражения знания, обозначает ее проблемное поле в связи с темой социальной онтологии, вопросами о смысле и о структуре слова. Бахтин, в свою очередь, наиболее близко подошел к пониманию проблемы коммуникации. Он придает данному процессу огромное значение и разрабатывает теорию диалога на онтологическом уровне.

Подводя итог, хочется отметить, что не коммуникация является частью образования, а образовательный процесс представляет собой один из вариантов осуществления коммуникации или диалога. Забота о себе в этом случае проявляется сначала в качестве постижения общего с другим бытия, а затем как важнейшее направление к идеалу истинного познания.

Литература

1. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники: ежегодник; отв. ред. И.Т. Фролов; прим. С.С. Аверинцева. М.: Наука, 1986. С. 80–160.

2. *Евстропов М.Н.* Проблема смысла в творчестве Густава Шпета и Эммануэля Левинаса: энтелехия и керигма // Шестые Шпетовские чтения: сб. статей и матер. междунар. науч. конф.; отв. ред. О.Г. Мазаева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 155–156.

3. *Микешина Л.А.* Философия познания: проблемы эпистемологии гуманитарного знания / Л.А. Микешина. 2-е изд., доп. М., 2008. С. 35–64.

4. *Неверова Н.В., Максимова Е.В.* Формирование готовности студентов к саморазвитию // Педагогика и психология образования. М.: МПГУ, 2017. С. 140–146.

5. *Русская* философия: словарь / общ. ред. М.А. Маслин. М.: Республика, 1995. 655 с.

6. *ФГОС ВО* [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru (дата обращения: 21.10.2017).

7. *Фуко М.* Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981/82 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.

8. *Шпет Г.Г.* Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды; отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2006. 624 с.

9. *Шпет Г.Г.* Мысль и слово. Избранные труды; отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005. 688 с.